

И. А. ЗАВАДСКАЯ

КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ХРИСТИАНИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ХЕРСОНЕСА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

История появления и распространения христианства в Херсонесе является одной из самых популярных тем в исследовании позднеантичного и раннесредневекового Крыма. По количеству публикаций, затрагивающих проблему христианизации местного населения, и степени ее разработки, пожалуй, ни один из крымских городов, включая Боспор, не может сравниться с Херсонесом. Популярность христианской истории этого города обусловлена, прежде всего, его местом и значением в отечественной истории. Будучи одним из крупнейших городов Крыма, Херсонес (Херсон), наряду с Боспором, явился тем центром, откуда началось постепенное распространение христианского вероучения среди обитателей крымских земель. Впоследствии, согласно летописному сказанию, став местом крещения князя Владимира в конце X в., Херсон (Корсунь) сыграл роль проводника новой веры в Киевскую Русь, передав ей традиции христианской религии и культуры. Историческая миссия, исполненная Херсонесом-Херсоном-Корсунью в деле распространения и утверждения христианства на территории нашего государства, безусловно, определила повышенный интерес к его христианской истории. Кроме того, исследование процесса христианизации находится в неразрывной связи с изучением Херсонеса как форпоста сначала Римской, затем Византийской империи, влияние которой, собственно, и обеспечивало распространение здесь новой религии.

Неиссякаемый интерес к ранней истории христианства в Херсонесе-Херсоне поддерживается также наличием определенной источниковой базы. Несмотря на довольно частые сетования исследователей на недостаток источников, история христианизации херсонеситов сохранила сравнительно богатый и разноплановый набор письменных и вещественных (добытых археологическим путем) свидетельств. Поскольку в дальнейшем изложении многие из них будут неоднократно упоминаться, здесь лишь вкратце отметим

наиболее значимые для нашей темы. Прежде всего, это жития епископов херсонских, самый ранний агиографический источник в истории христианского Крыма. Составленные не ранее второй половины VI в., жития дошли до нас в разных редакциях и повествуют о миссионерских подвигах первых епископов-проповедников, посланных на херсонскую землю. События, описанные в житиях, приурочиваются к первой четверти IV в., к эпохе Диоклетиана и Константина Великого [52; 53]. Несмотря на явные хронологические и исторические несоответствия, неоднократно отмечаемые в литературе, историческая основа житий признается большинством исследователей. К более раннему периоду относят проповедь христианства в Херсонесе легендарные известия, повествующие о пребывании здесь апостола Андрея и о ссылке римского епископа Климента в конце I в. Однако в письменной традиции проповедническая деятельность этих святых связывается с Херсонесом лишь с IX в. Поэтому оценка достоверности сведений о ней в историографии неоднозначна и зависит от того, позиции какого направления – церковно-апологетического или научного – отстаивает автор по данному вопросу.

Важную группу документальных свидетельств составляют деяния церковных соборов, сохранившие подписи херсонских епископов. Наиболее ранняя из них, историчность которой не вызывает ни у кого сомнений, принадлежит епископу Эферию, участнику II Вселенского (Константинопольского) собора 381 г.¹ Документально подтверждается также участие херсонских епископов в некоторых соборах V, VI и VII вв. [14, с. 129; 34, с. 418]. К числу письменных источников, часто привлекаемых при изложении истории христианизации Херсона, принадлежит письмо римского папы Мартина I, сосланного в Херсон в 655 г. В нем он сетует на то, что «те, кто обитает в этой области, все являются язычниками, и языческие нравы восприняли те, которые известны как живущие здесь...» [15, с. 179]. Однако подобная, очень субъективная характеристика херсонцев получила в историографии разные трактовки, о чем речь будет ниже.

Археологические материалы по данной теме отличаются значительным разнообразием и довольно интенсивно пополняются за счет новых находок. Условно их можно разделить на несколько групп. Это – погребальные памятники (надгробные стелы с крестами и надписями, христианские погребальные комплексы, среди которых очень показательна группа расписных склепов), предметы христианского культа, полученные в ходе исследования городища и некрополя, и христианская культовая архитектура (храмы, часовни, баптистерии, мартирии и т.д.), которой придается чрезвычайно важное значение.

¹ Подпись херсонского епископа Филиппа под деяниями I Вселенского (Никейского) собора 325 г. фиксируется лишь в некоторых поздних списках, что дало основание исследователям подвергнуть сомнению ее подлинность [18, с. 14, 22; 59, с. 131; 38, с. 21; 94, с. 546, сн. 3]. Тем не менее, некоторые авторы совершенно необоснованно продолжают рассматривать участие Филиппа в Никейском соборе в качестве неопровержимого факта [9, с. 55].

ние во многих концептуальных схемах по истории христианского Херсонеса.

К настоящему времени накоплено колоссальное количество трудов, посвященных различным категориям источников. Изучение истории исследования каждой из них может составить отдельный труд. В рамках данной статьи представляется целесообразным остановиться на тех работах, в которых на основании обобщения результатов анализа различных источников представлена определенная целостная система взглядов на историю самого раннего, начального этапа появления и распространения в городе христианской религии. Интерес представляют также те публикации, которые, в силу высказанных в них заключений по поводу отдельных источников повлияли на формирование концептуальных положений по рассматриваемой проблеме. Представления исследователей на историю христианизации местного населения во многом зависят от источниковой базы, используемой при ее изучении, и от того, насколько критично воспринимается информация, содержащаяся в источниках. В связи с этим, реконструкции этого сложного исторического процесса, выработанные на протяжении всей истории его изучения, отличаются значительной вариативностью. По-разному исследователи отвечают на вопросы о том, когда в Херсонесе появляются первые адепты новой религии и формируется первая христианская община, каким образом и с какой интенсивностью проходил процесс христианизации и насколько он был подготовлен предыдущим периодом, а также к какому времени он завершился, т.е. когда Херсонес-Херсон можно назвать христианским городом в полном смысле этого слова. Изучение взглядов различных авторов на эти проблемы в историографическом ракурсе позволит проследить процесс формирования современных познаний в данной области, выделить основные направления и тенденции в отечественной историографии раннехристианского Херсонеса.

Присоединение Крыма к России породило с конца XVIII – начала XIX вв. живой интерес со стороны представителей русской и зарубежной интеллигенции к крымским достопримечательностям, в числе которых был и Херсонес. В этот период сведения о нем, почерпнутые из письменных источников, были еще крайне скудны. В центре внимания находился, главным образом, описанный Страбонем древний Херсонес, поисками которого были увлечены многие путешественники и исследователи (П.С. Паллас, Э.Д. Кларк, П.И. Сумароков, Е.Е. Келер и др.) [88, с. 501-507]. Относительно истории раннего христианства (да и то в большей степени округи, нежели собственно самого «нового» Херсонеса) в их трудах встречаются лишь смутные упоминания «херсонитов-ариан» [62, с. 111] и пересказ легенды о св. Клименте [44, с. 295²]. Херсон-Корсунь был также известен как город, где крестился древнерусский князь Владимир. Об этом, ссылаясь на

² Как установил еще А.Л. Бертье-Делагард, именно С. Богуш-Сестренцевичу принадлежит

«русских и польских летописцев», упоминает уже посол польского короля Мартин Броневский, побывавший здесь в 1578 г. В своем «Описании Крыма», характеризуя руины Херсонеса, он отмечает еще стоящие стены храма того монастыря, где якобы Владимир и «был посвящен... в таинства веры греческой» [17, с. 342]. Именно с походом Владимира на Корсунь и его здесь крещением, прежде всего, и ассоциировался Херсонес у представителей русской общности конца XVIII – первой половины XIX вв. Об этом свидетельствуют, например, описания, оставленные посещавшими Херсонес князем В.М. Долгоруким (1773), инженером-подполковником Н.И. Корсаковым (1784), писателем А.С. Грибоедовым (1825) [88, с. 500, 508]. Осада Херсона-Корсуня древнерусским князем и последующие за ней события, описанные летописцем Нестором, детально рассмотрены Н.М. Карамзиным в его фундаментальном труде «История государства Российского» (1816) [45, кол. 129-132]. Таким образом, как место, непосредственно связываемое с истоками русского православия, Херсонес был притягателен для многих. По словам Н. Мурзакевича, «для всякого русского драгоценны развалины Херсона», среди которых каждый готов был видеть церковь, где принял крещение князь Владимир [61, с. 646-647; 84, с. 117]. Поиски остатков этого храма явились одним из главных стимулов начавшихся в 1827 г. археологических раскопок херсонесского городища [23, с. 9].

Первая попытка систематизировать имеющиеся сведения письменных источников и очень кратко проследить ход христианизации собственно населения Херсонеса была предпринята П.И. Кеппеном в работе «О древностях Южного берега Крыма и гор таврических» [46]. Начало распространения христианства он относит к концу I в. и связывает со св. Климентом, после которого «язычество долгое время беспрепятственно распространяло мрак свой над этой страной». Далее автор приводит некоторые сведения из житий епископов херсонских, согласно которым «в 325 г. епископ, по имени Капитон, обратил в христианство всю страну Корсунскую; но с того времени по 787 г. мы почти ничего достоверного не знаем об успехах христианства». Тем не менее, П. Кеппен не сомневался, что в эпоху Юстиниана I Южный берег был обитаем христианами [46, с. 61-62]. П. Кеппен приводит также список епископов Херсона, заимствованный у Мишеля Лекьена (M. Le Quien. Oriens Christianus. Paris, 1740. Vol. I. col. 1329). Из семи житийных епископов в данном списке упомянуты только шесть, исключая самого первого – Ефрема, миссия которого, согласно Житиям, собственно, и не была связана с Херсонесом (Херсоном)³. Кроме того, М. Лекьен

гипотеза, согласно которой местопребыванием св. Климента были каменоломни в Инкермане, а не близ Херсонеса [12, с. 62].

³ В разных редакциях житий Ефрем упоминается лишь в самом начале, как епископ, посланный в «области Турции», «страны тирикийские», «страны поганские» [52, с. 7]. Несмотря

предполагал, что епископ Эферий, упомянутый в Житиях, и Эферий Херсонский, участник II Вселенского Собора (381 г.) был одним и тем же лицом, поэтому в его списке числится только один Эферий (Еферий) [46, с. 232-233].

Наиболее подробный обзор известных на то время источников по истории раннего христианства в Крыму и, в частности, в Херсонесе, представлен в фундаментальном труде митрополита Макария «История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви», впервые вышедшем в свет в 1846 г. [54]. Отдельная глава посвящена проповеди св. апостола Андрея «в странах наших», где автор упоминает в хронологической последовательности известные ему письменные источники III-XIV вв. об апостольской проповеди [54, с. 91-104]. В них митрополит Макарий видит несомненные свидетельства пребывания апостола Андрея во всех тех пунктах, включая, естественно, и крымские, которые включены в детально разработанный в поздних византийских и славянских источниках апостольский маршрут, охвативший пол-Европы. Результат апостольской проповеди в Херсонесе митрополит Макарий склонен видеть в большом количестве христиан (более двух тысяч), которых встретил здесь «лет через тридцать после» апостола Андрея св. Климент, «папа Римский» [54, с. 110]. Сведения жития св. Климента приведены по Минеям Четям св. Димитрия Ростовского (XVII в.), которые в свою очередь были взяты из житий святых, составленных Симеоном Метафрастом (X в.). Абсолютно доверяя данным этих авторов, согласно которым «в продолжение одного года ... святой благовестник успел искоренить язычество на всем полуострове и устроить до 75 церквей», митрополит Макарий называет св. Климента «первым епископом Херсонским, если только не было в Херсонесе епископа со времени самого апостола Андрея» [54, с. 110]. Поскольку в последующие два века о христианстве в Херсонесе ничего неизвестно, автор заключает, что «оно если не совершенно было истреблено здесь, то, по крайней мере, сильно подавлено язычеством». Далее приводятся сведения житий св. епископов херсонских также по Минеям Четям св. Димитрия Ростовского, согласно которым св. Климент в 325 г. обратил в христианство «совершенно всю Херсонскую страну» [54, с. 110-112]. С этого времени «совершенно уже основалась епархия Херсонская и начался непрерывный ряд ее архипастырей». В списке известных херсонских епископов (до IX в.) митрополит Макарий участника II Вселенского собора называет «Еферий II», отделяя его, таким образом, от житийного епископа и не соглашаясь с мнением М. Лекьена, их отождествлявшего [54, с. 112]. Представление о двух епископах Эфериях в ранней истории христианства Херсонеса станет общепризнанным в дореволюционной

на это, по сложившейся традиции многие исследователи причисляют его к общему списку первых херсонских епископов [54, с. 110, 112; 14, с. 129].

и советской историографии. В «Истории христианства...» впервые затрагивается вопрос о церковном подчинении Херсонской епархии, ее границах и этническом составе [54, с. 113-114]. Таким образом, митрополит Макарий в своем труде представил, по сути, первую концепцию ранней истории христианства в Херсонесе, которая стала отправной точкой всей последующей церковно-апологетической традиции в отечественной историографии.

К представителям данного направления принадлежит протоиерей С. Серафимов, первый издатель греческого жития епископов херсонских по рукописи Московской синодальной библиотеки (№ 376), кратко изложивший основополагающие моменты рассмотренной концепции в примечании к своему изданию⁴ [93, с. 120]. Церковно-апологетическая концепция представлена также в труде епископа Гермогена «Таврическая епархия» [21, с. 133-142] и в анонимном «Историческом очерке христианства в Крыму» (1898) [43, с. 1464-1473, 1583-1593, 1674-1679]. Несмотря на некоторые вариации, труды представителей церковно-апологетического направления единообразны в главном. В них отсутствует какой-либо научный анализ источников, подбор которых всегда носит тенденциозный характер. История, как правило, преподносится в виде подробного или краткого изложения легендарных событий, зачастую из одного какого-то позднего источника, в котором уже в четком виде сформулирована принятая церковью традиция. При этом практически не подвергается сомнению историчность приводимых сведений. Критику могут вызвать лишь отдельные, явно несуразные описания, которые Макарий рассматривает как «необходимый нарост и прикрасу, без которых не может обойтись самое достоверное предание, сохраняющееся целые века в устах народа». Они не затрагивают главного и касаются «предмета, совсем стороннего». Основа же повествования любого агиографического источника всегда остается «неприкосновенною» [54, с. 97].

Концепция митрополита Макария оказала не только определяющее влияние на церковно-апологетическую литературу, но также в значительной степени воздействовала на взгляды представителей светской отечественной историографии второй половины XIX в. Изложенная им трактовка христианской истории Херсонеса, а также сам принцип использования источников стали «классикой жанра», что в значительной степени было предопределено отсутствием научных источниковедческих разработок на тот период. В кратком варианте данная концептуальная схема представлена в работах З. Аркаса, Д. Струкова, Ф. Хартахая [2, с. 4; 81, с. 2-7; 82, с. 6-8; 91, с. 51-52], примером развернутого описания, с пространным пересказом легендарных событий служит соответствующий раздел в «Универсальном описании Крыма» В.Х. Кондараки [47, с. 8-25].

⁴ Греческий текст и перевод данной редакции Жития со значительной корректурой были переизданы В.В. Латышевым [52, с. 58-62; 53, с. 108-112].

Все вышеназванные авторы, таким образом, придерживались концепции раннего проникновения и распространения христианства в Крыму и, в частности в Херсонесе, которая основывалась исключительно на письменных легендарных известиях. Зачатки другого, более критического подхода в оценке рассматриваемого процесса присутствуют в практически забытой ныне работе И. Мансветова, отдельная глава которой посвящена распространению христианства в Херсонесе [55, с. 25-31]. В ней также приводятся сведения письменных источников. Однако, в отличие от своих современников, И. Мансветов не склонен преувеличивать темпы распространения новой веры среди местного населения. По его мнению, «общественная жизнь Херсонеса усвоила себе христианские начала спустя долгое время после того, как проникли сюда идеи христианства вместе с первыми их проповедниками» [55, с. 30]. Этот вывод был основан, в общем, на ошибочном положении о том, что херсонесские монеты с христианским символом впервые появляются лишь в эпоху императора Маврикия (582-602)⁵. В качестве свидетельства медленного изживания язычества автор приводит также цитату из письма ссыльного папы Мартина, называющего «жителей этой страны» язычниками [55, с. 31]. Укрепление позиций христианства в Херсонесе И. Мансветов относит к VI в. и связывает с ним строительство «большого числа церквей» [55, с. 33-34]. Таким образом, по сути, впервые археологическим свидетельствам отводилась весомая роль при характеристике процесса христианизации Херсонеса. Высказанные И. Мансветовым положения, не нашедшие поддержки среди современных ему исследователей, во многом предвосхитили выводы А.Л. Бертье-Делагарда, которые, в свою очередь, оказали существенное влияние на научную историографию советского периода.

Большинство исследователей второй половины XIX в. стояли на позициях церковно-апологетического направления, для которого свидетельства агиографических источников были первостепенными. Тем не менее, несмотря на общую направленность, в их взглядах были и расхождения. Наиболее существенное из них касалось вопроса о месте ссылки римского епископа Климента. После основания в 1852 г. Инкерманского монастыря, посвященного св. Клименту, широкое распространение получила версия, согласно которой римский епископ был сослан и претерпел мучения не в Херсонесе, как считал митрополит Макарий, а в Инкермане. Не вдаваясь в детали происхождения и развития данной локализации мученичества святого (см. сн. 2), отметим лишь, что своих сторонников она нашла как в церковных кругах, так и в среде светских исследователей. Предание о существовании в Инкермане церкви, построенной якобы самим св.

⁵ На херсонесских монетах, выпускавшихся по константинопольскому стандарту, крест появляется уже в выпусках второй четверти V в. Присутствует он и на монетах Юстина I и Юстиана I [49; 83].

Климентом, приводят В.Х. Кондараки, В. Марков (1873), Д. Струков и др. [47, с. 9; 57, с. 139; 82, с. 24]. Среди церковных писателей инкерманское мученичество св. Климента отстаивали епископ Гермоген и автор «Исторического очерка христианства в Крыму», который носит откровенно пропагандистски-апологетический характер [21, с. 134-136; 43]. В данном очерке именно Инкерман назван «первой купелью христиан» Крыма, где «образовалась первая христианская церковь, озарившая своим светом весь Таврический полуостров» [43, с. 1473, 1678].

Главным критиком этой версии выступил А.Л. Бертье-Делагард. В своей работе «Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма» (1886) он, исходя из данных жития святого и позднего происхождения пещерных храмов, полностью опроверг возможность приурочения мучений епископа Климента к Инкерману [11, с. 211-217]. Более того, исследователь саму ссылку и мучения римского епископа, которые, по его замечанию, «кажется, не известны истории», склонен считать легендой [11, с. 215]. Однако в следующей своей работе «Раскопки Херсонеса» (1893) А.Л. Бертье-Делагард уже совершенно определенно высказывается в пользу того, что «легенда о житии и мучении св. Климента близ Херсонеса имела в основе своей истинные события» и «подтверждается несомненными доводами» [12, с. 58, 62]. Уверенность ему в этом придал один письменный источник, опубликованный в 1891 г. Речь идет о сочинении Феодосия «О местоположении Святой Земли», написанном в первой четверти VI в. [66]. В этом сочинении в § 54 довольно подробно описывается ежегодный праздник, который отмечали в Херсоне в день памяти св. Климента. А.Л. Бертье-Делагард полагал, что именно этим свидетельством пользовался Константин Философ, когда в IX в. искал в окрестностях Херсона останки святого. Исследователь совершенно уверен, что открытие мощей состоялось на островке в Казачьей бухте, недалеко от Херсона, где им были проведены раскопки в 1890 г., и расположение которого, по его мнению, идеально согласуется с письменными источниками, как с вышеназванным, так и с теми, которые содержат в себе описание миссии Константина [12, с. 58-62]. Данный вывод получил широкое признание в научной среде и впоследствии уже никем не опровергался [87, с. 4, 10; 50, с. 156; 56, с. 110-111; 79, с. 115].

Следует также отметить важность публикации сочинения Феодосия для всей последующей дореволюционной историографии по рассматриваемой проблеме. Издание И. Помяловского (1891) воспроизводило текст данного источника (с переводом на русский язык), подготовленный и опубликованный боннским профессором И. Гильдемейстером (Бонн, 1882) [66, с. I-II]. Как отмечают оба издателя, текст Феодосия, который сохранился в рукописях VIII-IX вв., содержит большое количество позднейших интерполяций и стилистических правок. И. Гильдемейстер попытался, убрав поздние доработки, получить оригинальный источник. Но, не исключено, что некоторые моменты были упущены. Так, по своему

смыслу фрагмент, повествующий о празднике св. Климента в Херсоне (как, впрочем, и несколько последующих), совершенно не связан с предыдущим описанием святых мест в Иерусалиме. Его характер «случайной вставки» отмечает и сам А.Л. Бертье-Делагард [12, с. 59]. Однако для него было важным, прежде всего, свидетельство данного источника о связи легенды о св. Клименте с местностью близ Херсона, и то, что «это описание составлено ранее Константина» и, следовательно, могло служить ему чем-то вроде путеводителя во время поиска мощей. Несмотря на инородность фрагмента о Херсоне в сочинении Феодосия, А.Л. Бертье-Делагард, а также ряд других дореволюционных исследователей видели в нем самое раннее свидетельство существования в Херсоне культа св. Климента, что, в свою очередь, служило доказательством в пользу пребывания здесь святого в конце I в. [50, с. 130; 56, с. 107; 79, с. 116; 96, с. 15, 114].

Помимо исследования отдельных, весьма важных для нашей темы проблем, в своих работах А.Л. Бертье-Делагард выразил свое видение истории христианизации Херсонеса в целом. Так, в уже упомянутом труде «Раскопки Херсонеса», посвященном, главным образом, изучению открытых на городище христианских храмов, исследователь затрагивает вопрос о темпах христианизации местного населения. В целом, не подвергая сомнению историчность агиографических сведений, он говорит и о значительной живучести язычества среди местного населения [12, с. 52-53]. В качестве подтверждения А.Л. Бертье-Делагард приводит аргументы, высказанные в свое время И. Мансветовым (о времени появления креста на херсонесских монетах и свидетельстве папы Мартина)⁶. Основываясь на них, А.Л. Бертье-Делагард делает вывод о том, что разрушение языческих храмов в Херсонесе возможно было «едва ли раньше V и даже VI в.» [12, с. 53]. Несколько иные темпы распространения христианства в местной среде отражены в более поздней книге исследователя «О Херсонесе» (1907). В разделе о Загородном крестообразном храме автор высказывает оригинальные, хотя и мало обоснованные взгляды на историю некрополя, на котором расположен данный храм. В ходе совершенно абстрактных рассуждений о мировоззрении ранних христиан, исследователь приходит к заключению об абсолютной невозможности совершения языческих и христианских погребений на территории одного некрополя. Представив себе насколько «велик был бы ужас и омерзение христиан при одной мысли поставить свой храм на языческом кладбище», А.Л. Бертье-Делагард делает вывод о том, что некрополь Загородного крестообразного храма изначально принадлежал христианам [13, с. 56-58]. По его убеждению, «принадлежность христианам некрополя указывается и точным соответствием времени погребений на нем со всем тем, что нам известно о распростра-

⁶ О том, что А.Л. Бертье-Делагард был знаком с работой И. Мансветова свидетельствует сноска на нее в вводной части труда «Раскопки Херсонеса» [12, с. 16, сн. 2].

нении христианства в Херсонесе» [13, с. 60]. Далее он сопоставляет результаты, полученные при исследовании этого некрополя, с известными агиографическими данными. При этом в расчет принимались лишь те захоронения, которые содержали в себе монеты, единственный на то время датирующий материал. Так, проповедь апостола Андрея, которая в Херсонесе «осталась без влияния», по мнению исследователя, нашла все же свой след в одной или двух могилах второй половины I в. Затем «все замирает», и только со второй половины – конца II в. и в III в., когда появляются новые захоронения, «христианство начинает вновь проявляться», и это связывается с пребыванием в окрестностях Херсонеса св. Климента и его учеников. Хотя, по замечанию автора, «рассказы об его деятельности... явно преувеличены». «Дело христианской проповеди пошло успешнее» при Константине Великом, пославшем епископа Капитона с военным отрядом. Это «отразилось на резком увеличении числа погребений во время его преемников» во второй половине IV в. «Полное торжество христианства» А.Л. Бертье-Делагард относит к правлению Феодосия I (379-395), к эпохе которого, по его мнению, принадлежит наибольшее количество гробниц. В период между концом V и серединой VI вв. «торжествующее христианство увенчало некрополь храмом» [13, с. 63-64]. Таким образом, по А.Л. Бертье-Делагарду, материалы некрополя подтверждают сообщения агиографических источников и свидетельствуют о сравнительно быстром и успешном шествии христианства в Херсонесе в IV в. Эта оригинальная и достаточно стройная концепция в целом отразила в себе взгляды на историю христианизации Херсонеса научной интеллигенции конца XIX – начала XX вв. Однако она носит искусственный характер, так как основывается на ошибочном тезисе об изначально христианской принадлежности некрополя, а также на случайном подборе археологического материала. Тем не менее, исследовательские разработки А.Л. Бертье-Делагарда по проблеме ранней истории христианства в Херсонесе имеют большое значение. В них, так же, как и в работе И. Мансветова, заложена основа критического подхода к источникам, а также впервые предпринята попытка сопоставить сведения письменных данных с археологическими материалами.

Новаторство подобного подхода к истории раннего христианства особенно отчетливо ощущается, если учесть, что ее исследование практически весь XIX в. зиждилось, прежде всего, на письменных источниках. Агиографические материалы выступали в роли практически непрерываемых свидетельств. Постепенное накопление информации, публикация различных редакций источников в зарубежных и отечественных изданиях подготовили почву для их научного исследования. Уже в конце XIX – начале XX вв. появляются работы, в которых представлен глубокий источниковедческий анализ агиографических источников по начальной истории христианского Херсонеса. Они оказали, хотя и в разной степени, влияние на всю последующую историографию.

Исследованию легенды о проповеди апостола Андрея посвящены сочинение В.Г. Васильевского «Хождение апостола Андрея в стране мирмидонян» (1877) и работа С.В. Петровского «Сказания об апостольской проповеди по северо-восточному Черноморскому побережью» (1897-1898) [19, с. 213-295; 63, с. 29-148; 64, с. 1-184]. Анализируя известные на то время источники, исследователи основное внимание уделяют эволюционному развитию апостольской легенды от самых древних апокрифических сказаний с их еще целиком сказочной географией до позднейших церковных повествований с детально разработанными географически точными маршрутами. Процесс переработки апокрифов церковными писателями, в ходе которого происходило постепенное формирование, кристаллизация литературного предания, направлялся определенными идеологическими задачами. Как отмечает С.В. Петровский, поздние источники «дают об апостольской миссии сведения такие, какие не по существу были достоверны, а представлялись достоверными агиографам IX, X и следующих веков» [64, с. 180]. Для истории христианизации, собственно, Херсонеса особое значение имеет исследование развития географии апостольских хождений, которое показало, что впервые Херсон (впрочем, как и другие крымские города) упомянут в маршруте проповеди апостола Андрея лишь в сочинении IX в. монаха Епифания [19, с. 268-269].

Результаты источниковедческих исследований литературной традиции апостола Андрея были сравнительно быстро восприняты представителями научного направления в отечественной историографии. Посещение Херсонеса апостолом Андреем большинством ученых более не рассматривается как безусловный исторический факт, а упоминание легендарных сведений сопровождается ссылкой на источники, прежде всего, житие апостола, составленное монахом Епифанием, с обязательной отметкой его позднего происхождения. Именно так преподнесена информация об апостольской проповеди в Херсонесе в работе И. Толстого и Н. Кондакова (1891) [87, с. 3]. Описание известных на то время руин храмов и других христианских древностей, содержащееся в этом труде, предваряет краткий очерк истории Херсонеса, в котором также приведены сведения по истории его христианизации. В целом данный обзор ничего нового в себе не несет и не содержит целостной концепции, но интересен тем, что отражает определенную трансформацию представлений по интересующей нас проблеме. То же можно сказать и в отношении очень краткого, конспективного описания ранней истории христианства в Херсонесе в труде Ю.А. Кулаковского «Прошлое Тавриды» (1906) [50, с. 130]. В нем нашли отражение результаты исследований не только источников по апостольской проповеди, но и других агиографических источников, в частности Житий епископов херсонских, к рассмотрению которых мы и переходим.

Начало XX в. ознаменовалось появлением еще двух работ, содержащих

источниковедческий анализ агиографических памятников, связанных с Херсонесом, которые сыграли очень важную роль в последующих концептуальных решениях ранней истории христианства в этом центре. Речь идет о довольно обширном сочинении И. Франко «Святой Климент у Корсуні. Причинки до історії староруської легенди», опубликованном в нескольких томах «Записок наукового товариства ім. Шевченка» (1902-1905) [90], и исследовании В.В. Латышева «Жития свв. епископов Херсонских» (1906) [52].

Работа известного украинского писателя, доктора словесности И. Франко посвящена, главным образом, легенде о св. Клименте, что, собственно, и отражено в ее названии. Но, кроме того, в ней присутствует отдельная глава (VIII), в которой автор рассматривает жития епископов херсонских, а также затрагивает вопрос о ранней истории христианства в Херсонесе в целом. Ее единственным документальным свидетельством И. Франко признает только подпись «корсунського епископа Айтерія II» на Константинопольском соборе 381 г. События же, о которых пишут историки до этого момента, принадлежат «більше до легенди, ніж до історії» [90 (т. 56), с. 145-146]. Рассказы Епифания Монаха «не заслугоють на віру», и все легенды о проповеди апостола Андрея нужно считать «пізнішими виплодами побожної фантазії, а не відгомонам традиції апостольських часів». На основании критически переосмысленного обширного источниковедческого материала И. Франко прослеживает историю формирования легенды о св. Клименте с I по X в. Не вдаваясь в подробности этого очень интересного и детального исследования, отметим лишь ключевые для нашей темы выводы. И. Франко не сомневается в историчности Климента Римского, влиятельного члена римской церкви I или начала II вв. [90 (т. 46), с. 8-9]. Однако больше о нем ничего реально неизвестно. Его легендарный образ сложился постепенно из нескольких исторических и литературных персонажей. Факты его биографии и мученической смерти были заимствованы из разных агиографических источников. Локализация его мучений в Корсуне, по мнению исследователя, могла произойти в VI или VII вв. В IX в. житие было уже в той форме, в которой оно известно в легендарии второй половины X в. Симеона Метафраста [90 (т. 48), с. 123-128]. Таким образом, И. Франко видит в Климентовой истории не более чем легенду, которая «мандруючи з заходу на схід, комплікувалася і східними й західними, християнськими й поганськими мотивами», и весь этот многовековой процесс имел глубокий церковно-политический подтекст [90 (т. 48), с. 144].

В VIII главе своего сочинения И. Франко проводит также источниковедческий анализ житий епископов херсонесских [90 (т. 56), с. 145-165], самостоятельное исследование которым посвятил В.В. Латышев [52]. Несмотря на то, что оба исследователя пришли к противоположным суждениям по поводу исторической основы этих житий, в их выводах довольно много общего.

Независимо друг от друга они заключили, что проанализированные ими тексты имели общий греческий оригинал, скорее всего, утраченный. Автором был «корсунянин» или, как пишет В.В. Латышев, «херсонское духовное лицо, игумен или, вероятнее, епископ». Оригинал написан по устным преданиям значительно позднее описанных событий. Оба исследователя отмечают различия отдельных текстов и исторические несообразности в содержании. Интересен даже общий ход рассуждений при выяснении даты написания оригинала. И. Франко, как и В.В. Латышев, обратил внимание на географический термин (Θουρκία), появление которого он также связал с тюркскими племенами VI-VIII вв. [90 (т. 56), с. 156]. Однако, в отличие от В.В. Латышева, для которого именно этот термин сыграл решающую роль при определении даты написания оригинала (VII в.), свою датировку И. Франко построил на другом основании. Имеющиеся расхождения в текстах некоторых редакций по вопросу о том, чья миссия завершилась успехом – иерусалимского миссионера Айтерия (Эферия), хотя и при поддержке императора Константина, или же непосредственного представителя Константинополя Капитона, исследователь рассматривает как результат позднейших корректив, внесенных в оригинальный текст разными редакторами в интересах Константинопольского патриархата. Изначально же легенда, прославляя иерусалимскую миссию, доказывала независимость херсонской церкви от столицы и, таким образом, была своеобразным отголоском борьбы местных епископов за автокефалию. Время создания оригинального текста И. Франко относит к 451 г., т.е. ко времени IV Вселенского (Халкидонского) собора, на котором была окончательно ликвидирована «корсунская» автокефалия [90 (т. 56), с. 161-164]. Таким образом, И. Франко полностью отрицает историческую основу изложенных в житиях событий, считая их выдумкой и видя в них лишь орудие в церковно-политической борьбе середины V в. Имена херсонских епископов, по его мнению, были заимствованы из разных источников [90 (т. 56), с. 165].

В.В. Латышев написал свое исследование о житиях, когда еще не был знаком с работой И. Франко. Но свои критические замечания в ее адрес он высказал в дополнении к своему основному труду [52, с. 77-79]. Он отмечает основные просчеты И. Франко, которые, по его мнению, «почти уничтожают значение» его работы. К ним относится, прежде всего, то, что И. Франко упустил из виду наиболее древний текст жития Супрасльской минеи (XI в.), а также не провел сравнительный анализ разных изводов, сосредоточившись на критике их отдельных сведений. Совершенно необоснованной В.В. Латышев считает и дату оригинального жития, которую предложил И. Франко. В своем основном исследовании В.В. Латышев представил наиболее полный и всесторонний анализ известных ему редакций, к тому же сопоставил их с историческими и археологическими данными. Отмеченные им хронологические просчеты и ис-

торические несоответствия он рассматривает как «результат искажения фактов в долговременном устном предании» [52, с. 40]. В целом, В.В. Латышев не сомневается в том, что жития епископов херсонских имеют историческое ядро, и что в них отражены реальные исторические события, которые происходили с эпохи гонений императора Диоклетиана (303 г.) до I Вселенского собора (325 г.). Исследование В.В. Латышева стало классическим для всей дальнейшей историографии. Его основные положения во многом определили взгляды на интересующую нас проблему большинства последующих, в том числе советских и современных ученых. Работа И. Франко в силу указанных выше недостатков, а также, возможно, из-за излишне нигилистического отношения к агиографическим источникам, не получила широкого признания⁷. Однако следует заметить, что историческая основа житийных событий была подвергнута сомнению также Е.Е. Голубинским и К. Харламповичем [18, с. 7].

Оригинальную трактовку житийных сообщений, в которой также усматривается определенное влияние работы И. Франко, предложил М.И. Ростовцев [73, с. 503-507]. В своем фундаментальном труде «Античная декоративная живопись на юге России» он впервые собрал и проанализировал информацию обо всех известных тогда христианских росписных склепах Херсонеса. Уделив особое внимание происхождению данных памятников, он счел возможным сопоставить полученные выводы с житийными данными, а также представил свое видение данного источника. Жития он считает компиляцией, состоящей из трех не связанных между собой частей, созданных разными авторами. Первая часть, повествующая о епископах Василее, Евгении, Агафадоре и Елпидии «выводит херсонский епископат из Палестины», вторая, о епископе Капитоне – из Константинополя. Третья часть повествует об Эферии. «Соединение их чисто механическое» [73, с. 504-505]. Основу первой части, по мнению М.И. Ростовцева, могло составить предание о первомучениках-чужеземцах, которые были выходцами из Сирии или Палестины. Подтверждение ближневосточных культурных связей Херсонеса М.И. Ростовцев видел в том, что самые близкие параллели росписям местных христианских склепов, на его взгляд, находились именно на сиро-палестинском Востоке⁸ [73, с. 497-503]. Так же, как и И. Франко, М.И. Ростовцев исключает возможность посвящения палестинских миссионеров в епископы главой иерусалимской церкви Ермоном (Гермоном). Этот литературный домысел он так же связывает с борьбой за автокефалию местного духовенства, сохранившего сирийские традиции [73, с. 505-506]. Но, в отличие

⁷ Некоторые идеи И. Франко были восприняты Д.С. Спиридоновым [80].

⁸ Результаты исследования аналогичных памятников других регионов, опубликованные после выхода в свет труда М.И. Ростовцева, позволяют пересмотреть вывод о сиро-палестинском происхождении херсонесских росписей. Наиболее близкие им памятники находятся на территории Балкан и западных провинций Малой Азии [61, с. 282-286].

от И. Франко, М.И. Ростовцев не отрицает само существование херсонесских миссионеров-мучеников. Почитание культа мучеников в Херсонесе для М.И. Ростовцева – факт несомненный, связанный с рядом конкретных памятников, и, главным образом, могил. Некоторые херсонесские склепы с росписью (склеп на земле Н.И. Тура, склеп 1853 г.) исследователь склонен связывать с Василем и другими персонажами первой части житий, так как описание мест их погребений согласуется с расположением данных склепов на херсонесском некрополе. Расписаны они были в более позднее время, «в эпоху торжества христианства», которую, согласно датировкам росписей, М.И. Ростовцев относил к концу IV-V вв. Образ епископа Капитона исследователь, вслед за И. Франко, считает вымышленным. Для него это фигура, которая была выдвинута византийским духовенством в противовес ближневосточной традиции. Эпизод о епископе Эферии, по М.И. Ростовцеву, первоначально не имел отношения к Херсонесу и был использован в компилятивном житии для того, чтобы связать две его основные части – о Василее и его товарищах и о Капитоне. Создание этих двух главных частей М.И. Ростовцев относит ко времени, предшествующему появлению «сборного жития» VII в. (по В.В. Латышеву) [73, с. 506-507]. Предложенная М.И. Ростовцевым трактовка житий в целом была поддержана А.А. Васильевым, который видел ее доказательность, прежде всего, в ближневосточных аналогиях херсонесских погребальных росписей [18, с. 8, 10]. Однако, по существу, подобное объяснение данного источника отрицало историчность наиболее важной его части и поэтому практически не получило дальнейшего развития в отечественной историографии⁹. Тем не менее, сделанные М.И. Ростовцевым сопоставления топографических указаний жития с конкретными археологическими памятниками представляют определенный интерес.

Большинство исследователей, как уже отмечалось выше, приняли мнение В.В. Латышева и видели в житиях зерно исторической правды. Одним из первых, кто полностью разделил его выводы, был С.П. Шестаков. Истории начального этапа распространения христианства в Херсонесе посвящена глава в его «Очерках по истории Херсонеса в VI-X вв.» и отдельная публикация, которая практически полностью ее дублирует [96, с. 13-29; 97, с. 183-208]. Автор критически рассматривает основные положения работы И. Франко как по поводу херсонесских епископов, так и в отношении легенды о св. Клименте, возможность пребывания которого в Херсонесе в I в. И. Франко полностью отвергает [96, с. 14]. С.П. Шестаков оспаривает доводы оппонента и считает, что ссылка римского епископа в Херсонес является историческим фактом. В качестве основного аргумента он приводит уже упоминавшееся описание праздника св.

⁹ В новейшее время версия М.И. Ростовцева частично использована в статье В.Ю. Юрочкина и А.В. Джанова [98]. Критику ее основных положений см. [34, с. 417; 78, с. 95-98].

Климента в Херсоне из сочинения Феодосия. Тем не менее, отстаивая историчность ссылки и мученичества Климента в Херсоне, С.П. Шестаков не считает возможным доверять сведениям позднейших источников о его бурной деятельности по строительству многочисленных храмов и массовому крещению местных обитателей [96, с. 15-16]. Источником житий епископов херсонских автор считает местную легенду, которая, по его словам, может быть неточна в хронологических показаниях, в некоторых подробностях, однако, безусловно, является отголоском действительных событий. По мнению исследователя, эти предания сообщают «о конечном торжестве христианства в Херсоне при св. Капитоне, первом построившем в городе церковь». Версию, которая приписывает сооружение храма Эферию, он считает более поздней, однако в историчности самого Эферия не сомневается [96, с. 25]. Херсонесского епископа Эферия, участника Вселенского собора 381 г. С.П. Шестаков, так же, как и Макарий, называет «вторым». Оценивая факт участия местного священника во Вселенском соборе, С.П. Шестаков полностью разделяет точку зрения Ю.А. Кулаковского на аналогичное событие в истории Боспора. По их мнению, данный факт говорит «если не о преобладании христианства в среде туземного населения», то, во всяком случае, о его «более или менее значительном распространении» [96, с. 25-26]. Анализ письменных свидетельств С.П. Шестаков дополняет описание известных на то время христианских памятников, добытых в ходе археологических раскопок [96, с. 26-29]. Он приводит описание эпиграфических памятников, предметов культа, упоминает о некоторых храмах, а также затрагивает вопрос о христианских погребениях. Приведя примеры вторичного использования христианами языческих погребальных сооружений и других объектов (например, барельефов, культовых предметов), С.П. Шестаков, по существу, опроверг положение А.Л. Бертье-Делагарда о невозможности наследования христианами языческих некрополей. Очерк С.П. Шестакова является, по существу, первым опытом развернутого изложения начальной истории христианства в Херсонесе с привлечением различных категорий источников. Однако основные концептуальные выводы автор делает все же на основании агнографических данных, хотя и, безусловно, критически проанализированных.

Обширная информация о христианстве в Херсонесе собрана и в работе Е.Э. Иванова «Херсонес Таврический» [42, с. 41-46, 49-55, 64-73]. Однако в целом она представляет собой компиляцию и не содержит сколько-нибудь целостной авторской концепции христианизации Херсонеса. Сведения и оценки отдельных источников и изложенных в них событий заимствованы у разных исследователей, придерживающихся порой отличных точек зрения, что приводит к явным противоречиям. Так, подробно пересказав содержание агнографических текстов, Е.Э. Иванов заявляет, что не придает им «значение достоверных фактов, а смотрит на них как на апокрифы» [42, с. 54]. Однако,

комментарии, которые он делает по ходу изложения, напротив, свидетельствуют о полном доверии автора к цитируемым источникам. Предваряя рассказ об апостоле Андрее и св. Клименте, он говорит, что Херсонес уже со времен апостольской проповеди, посеявшей «первые семена христианства», приобретает выдающееся значение в его распространении [42, с. 41]. Исходя из текста житий херсонесских святителей, Е.Э. Иванов делает вывод о том, что в IV в. христианство прочно держалось в Херсонесе и уже при Константине I имело здесь глубокие корни [42, с. 54, 64]. Страницей же раньше он повествует о трудностях распространения здесь христианства и воспроизводит слова А.Л. Бертье-Делагарда о медленном изживании язычества в среде местного населения [42, с. 53]. Непоследовательность в изложении приводимых пассажей объясняется, скорее всего, целью самого труда Е.Э. Иванова, заключающейся в том, чтобы собрать воедино имеющиеся сведения для ознакомления широких масс с историей Херсонеса, что, в общем-то, и было достигнуто. Специальным научным исследованием работа Е.Э. Иванова, безусловно, не является. И все же она очень показательна, поскольку отражает достаточно широкий спектр бытовавших в то время взглядов.

Некоторые противоречия в представлениях о начальной истории христианства довольно характерны и для научной дореволюционной историографии. Они уже отмечались в работах А.Л. Бертье-Делагарда. В качестве примера можно также упомянуть и некоторые положения Ю.А. Кулаковско-го. Ссылаясь на исследования В.В. Латышева, он полагает, что жития епископов херсонских, возникшие «в позднейшее время, не могут дать точных исторических сведений». Тем не менее, у него не вызывает никакого сомнения «тот общий факт, что в начале IV века христианство уже прочно утвердилось в этом старом культурном центре» [50, с. 130]. Однако подобный вывод можно сделать исключительно на основании Житий. Такие противоречия, скорее всего, объясняются живучестью старых стереотипов, которые плохо стыковались с новым видением источников. Кроме того, уже в этот период все более вырисовывается определенный дисбаланс между письменными и археологическими данными. Как замечает Ю.А. Кулаковский, «христианские датированные памятники, из числа найденных доселе, не восходят дальше начала VI в., но их отсутствие не говорит, конечно, ничего против справедливости высказанного положения» о прочном утверждении христианства уже в начале IV в. [50, с. 131]. Эта фраза довольно точно характеризует подход исследователей конца XIX – начала XX вв. к проблеме соотношения различных групп источников. Приоритет безоговорочно признавался за письменными данными. Именно им отводилась главная роль в определении времени и степени распространения христианства. Материальные свидетельства не имели в решении этих вопросов существенного значения.

Ситуация коренным образом меняется в советский период. Дальнейшее расширение археологической источниковой базы, благодаря планомерным масштабным раскопкам 30-х и последующих годов XX в., приводит к существенной трансформации в оценке археологических данных. Они перестают быть второстепенными материалами и начинают все в большей степени влиять на представления о ходе христианизации местного населения, что в свою очередь отражается на изменении роли, отводимой письменным сообщениям. При изложении начальной истории христианства в Херсонесе агиографические известия об апостольской проповеди и пребывании здесь римского епископа Климента практически перестают приниматься во внимание, как не имеющие под собой исторической основы поздние предания, к тому же не подтверждаемые археологическими данными. Более информативными признаются сообщения житий епископов херсонских, хотя теперь при их рассмотрении основной акцент делается не на финальном торжестве христианства, что было характерно для дореволюционных исследователей, а, прежде всего, на конфликте между христианами и язычниками, спровоцировавшем введение воинского подразделения. Это рассматривается как свидетельство сложности процесса принятия новой веры. К тому же иногда упомянутому межрелигиозному конфликту придавался характер социального или даже классового противостояния [30, с. 22; 76, с. 76-77; 58, с. 106; 59, с. 134].

Еще целиком в традициях дореволюционной историографии дана краткая характеристика христианизации Херсонеса в книге Е.Г. Сурова «Херсонес Таврический» [85, с. 59-60]. Появление здесь новой религии автор связывает с пребыванием епископа Климента. Начиная же с Константина I, Херсонес становится «наиболее мощным очагом» христианства в Северном Причерноморье [85, с. 60]. Однако подобный взгляд не получил распространения в советской науке.

Приоритет, отводимый археологическим данным при рассмотрении ранней христианской истории Херсонеса, вполне логично подводил к выводу о довольно позднем появлении и замедленном, сложном процессе укоренения здесь новой религии. Впервые целостная концепция, в основу которой был положен этот постулат, изложена в трудах А.Л. Якобсона [99, с. 27-30; 100, с. 12]. Чрезвычайно важным моментом в его построениях является освещение роли государственной политики в деле распространения христианской идеологии. Отныне христианизация более не воспринимается как стихийный процесс, успех которого зависит лишь от упорства отдельных миссионеров. Теперь «насаждение христианства среди коренного населения» неразрывно связывается с политикой византийских императоров. Строительство храмов, так же, как и крепостных сооружений, служило одной политической цели – «укреплению византийского господства» [101, с. 223, 225; 99, с. 27]. Темпы христианизации, таким образом, были поставлены в прямую

зависимость от пульсирующего влияния Константинополя. Положение о роли византийского фактора нашло полную поддержку у современных исследователей [3, с. 142; 86, с. 296] и стало неотъемлемой составляющей всех последующих изложений истории христианства в отечественной историографии.

«Зачатки» новой веры А.Л. Якобсон относит к началу IV в. Он считает вполне достоверным житийный факт посылки сюда Константином Великим епископа с военным отрядом и не исключает вероятность образования тогда же херсонесской епархии [99, с. 28]. Однако, в отличие от дореволюционных исследователей, А.Л. Якобсон не считает это свидетельством значительного распространения христианства не только в IV, но и в V в. [99, с. 29]. Процесс так называемой массовой христианизации ученый относит ко времени не ранее конца V, а главным образом к VI в., к эпохе Юстиниана I, когда «пропаганда и насаждение христианства резко усилились ... на всей подвластной Византии территории» [100, с. 12]. Именно этим периодом он датирует многочисленные базилики Херсонеса, строительство которых связывает с императорской политикой. Но и тогда основная масса населения, как считает автор, продолжала исповедовать язычество, что, по его мнению, подтверждается источниками VII и VIII – начала IX вв. [99, с. 29; 100, с. 12]. Речь идет о письме сосланного папы Мартина I и сочинении посетившего Херсон между 815 и 820 гг. монаха Епифания, заявившего, что «херсаки же народ коварный, и до нынешнего дня туги на веру, лгуны и поддаются влечению всякого ветра» [15, с. 179; 19, с. 268; 20, с. 358]. Как уже отмечалось, жалобу папы Мартина, как свидетельство живучести язычества в самом Херсоне и его окрестностях, рассматривали И. Мансветов и А.Л. Бертье-Делагард, основоположники теории замедленного распространения здесь христианства [12, с. 52-53]. Однако в дореволюционной историографии его более никто так не трактовал. К примеру, С.П. Шестаков, ссылаясь на мнения ряда исследователей, воспринимает под «язычниками Мартина» лишь живущих в округе варваров [96, с. 118]. А.А. Васильев видел в данном пассаже письма «риторическое преувеличение автора, пожелавшего в самых мрачных чертах представить свое положение в ссылке»¹⁰ [18, с. 188]. Начиная с А.Л. Якобсона, упрек папы Мартина в адрес местных обитателей, так же, как и нелестная их характеристика со стороны монаха Епифания, становятся в советской историографии основными аргументами, используемыми для подтверждения медленного искоренения язычества и крайне тяжелого, замедленного процесса усвоения новой религии, навязываемой византийской властью [30, с. 23; 67, с. 187; 58, с. 106; 25, с. 140; 39, с. 103; 22, с. 52].

Следует упомянуть еще о двух положениях А.Л. Якобсона, ставших

¹⁰ Подобная трактовка, исключая дословное понимание слов папы, стала довольно популярна в современной историографии [15, с. 187; 34, с. 420; 78, с. 312-313].

классическими в советской литературе. Одно из них касается социальной базы новой религии, которую, по определению А.Л. Якобсона, составляла, прежде всего, верхушка общества [99, с. 29; 100, с. 12]. Второй вопрос затрагивает выяснение путей проникновения христианства в Херсон. Особую роль в этом исследователе отводил Малой Азии, откуда был заимствован культ св. Фоки, а также, по его мнению, архитектурные формы херсонесских храмов [99, с. 28, 211-212].

Намеченная А.Л. Якобсоном схема процесса христианизации Херсонеса стала доминирующей в советской историографии. Основные положения его концепции получили свое дальнейшее развитие в трудах последующих исследователей.

Особое место в отечественной литературе занимает статья Э.И. Соломоник, в которой собрана информация об эпиграфических материалах, свидетельствующих о распространении различных религиозных культов в городах Северного Причерноморья, в том числе и в Херсонесе [76, с. 55-77]. Исследовательница затрагивает очень важный вопрос о религиозной ситуации, которая сложилась в городе в I-III вв., т.е. в начальный период распространения христианства в Римской империи. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что изменения, происходившие в ее религиозной сфере, находили свое отражение и в северопонтийских городах. Здесь также наряду с традиционным греческим пантеоном фиксируется проникновение разнообразных верований, в том числе восточных синкретических культов, обозначивших тягу к монотеизму. Этот вывод весьма существенен, так как демонстрирует общность процессов в идеологической жизни северопонтийских городов и регионов Римской империи. В своей статье Э.И. Соломоник, по существу, впервые вводит в научный оборот довольно показательную группу источников, а именно, культовые глиняные горшочки III – начала IV вв. с греческими надписями-dipinti [76, с. 60-68]. На основании аналогий, некоторые из надписей, в частности монотеистической направленности («Да будет милостив ко мне бог»), автор очень осторожно предлагает считать наиболее ранними христианскими памятниками [76, с. 73-74]. Однако подобная их трактовка в то время не нашла поддержки в научных кругах. В целом Э.И. Соломоник не отрицает положения о длительном и сложном процессе христианизации местного населения [76, с. 76-77]. Значение ее статьи определяют собранные эпиграфические материалы, а также обращение к проблеме условий и предпосылок распространения новой идеологии, которая была развита в трудах последователей.

Первые специальные, обобщающие работы по истории проникновения христианства в Херсонес принадлежат В.Ф. Мещерякову [58; 59]. Данной проблеме посвящена также отдельная глава его диссертации [60, с. 14-16]. В целом, развивая концепцию, сформулированную А.Л. Якобсоном, исследователь значительно расширяет круг рассматриваемых проблем, связанных с данным историческим процессом, на современном уровне проводит комплексный анализ различных групп источников.

В основе его построений также лежит тезис о замедленном процессе распространения новой религии в Херсонесе, начавшемся сравнительно поздно и растянувшимся на несколько столетий. В.Ф. Мещеряков отрицает возможность приписывать христианам вышеназванные горшочки с *dipinti* и говорит о том, что «материалы I-III вв. не содержат никаких следов христианства» [59, с. 127]. Появление первых христиан в Херсонесе исследователь относит к рубежу III-IV вв. [60, с. 14]. Начальная история христианской общины связывается им с сообщениями житий епископов херсонских, которые, несмотря на ряд сомнительных мест, являются «отголоском действительных событий» начала IV в. [60, с. 15]. Однако с деятельностью епископа Капитона он связывает лишь получение херсонесскими христианами права на легальное существование их общины, образование же епархии, по его мнению, произошло позднее. До конца IV в. христианская община была малочисленной и не играла заметной роли. Свидетельством ее оформления в епархию признается участие епископа Эферия во II Вселенском соборе 381 г. [58, с. 103-104; 59, с. 131]. Проанализировав все известные на то время материалы археологических раскопок херсонесского некрополя, автор пришел к выводу, что «картины массового перехода жителей Херсонеса в христианство до начала V в. не наблюдается» [59, с. 133].

Начало массовой «насильственной христианизации, проводимой центральной византийской властью», он, вслед за А.Л. Якобсоном, относит к концу V – началу VI вв. и так же, как его предшественник, говорит об очень медленных ее темпах. Данный факт В.Ф. Мещеряков объясняет «активным отпором языческих масс» [58, с. 106; 59, с. 133]. Причин «столь упорного неприятия новой религии» он видит несколько и, прежде всего, в отсутствии широкой социальной базы, которая состояла, главным образом, из «представителей господствующего класса» [60, с. 15]. В данной характеристике так же, как и в оценке описанного в житиях межрелигиозного противостояния довольно сильно ощущается влияние классового подхода к историческому процессу, что вполне объясняется духом того времени. В качестве следующей причины медленного распространения христианства В.Ф. Мещеряков называл отсутствие «сколько-нибудь значительного этнического смешения», фактором же, ускоряющим данный процесс, он считал «этническую пестроту населения», то, что наблюдалось на Боспоре¹¹ [58, с. 107; 59, с. 134; 60, с. 15]. Третья причина, по В.Ф. Мещерякову, состоит в том, что почва для христианства не была подготовлена «внутренним развитием религиозных идей» [60, с. 15].

¹¹ Интересно в этой связи упомянуть о результатах исследования этнического состава населения Херсонеса Н.В. Пятышевой [67, с. 183-187]. Обобщив известные ей данные, она пришла к заключению о том, что он не был однороден, к тому же именно с представителями смешанного местного населения исследовательница склонна связывать полуварварские языческие обычаи, о которых говорит папа Мартин [67, с. 187].

Как считал исследователь, официальный пантеон богов в Херсонесе на протяжении позднеантичного периода «оставался почти неизменным», в отличие от Боспора, который, по его мнению, оказался более подготовленным к восприятию новой религии, в частности благодаря культу Бога Высочайшего. Поэтому, как считал В.Ф. Мещеряков, «христианство оказалось для большинства жителей Херсонеса религией чуждой, привнесенной извне» [59, с. 134; 60, с. 15]. Однако вывод об отсутствии изменений в религиозной жизни позднеантичного Херсонеса противоречит более убедительным результатам исследования Э.И. Соломоник. Труды В.Ф. Мещерякова сыграли большую роль в формировании представлений о раннехристианской истории Херсонеса¹². По сути, была открыта новая веха в изучении истории раннего христианства в Херсонесе, которая, благодаря существенно расширившейся источниковой базе, отныне превращается в объект самостоятельного исследования.

Собственно, проблеме распространения христианства в Херсонесе посвящены статья и отдельная глава диссертации П.Д. Диатропова [25; 26, с. 8-15]. Изложенная в них концепция близка представлениям В.Ф. Мещерякова, однако выводы автора менее категоричны. В целом, П.Д. Диатропов согласен с В.Ф. Мещеряковым по вопросу об отсутствии в Херсонесе серьезных внутренних предпосылок для широкого усвоения христианства. Тем не менее, он признает, что хотя бы часть населения «была все же готова к принятию новой религии» [25, с. 129]. В этом отношении важным представляется замечание П.Д. Диатропова о том, что в первые века н.э. в Херсонесе проявлялись общие для античного мира тенденции в развитии религии, выразившиеся в возрастании «роли восточных культов, в первую очередь малоазийского происхождения», что, в принципе, согласуется с выводами Э.И. Соломоник [26, с. 9]. Таким образом, вполне подтверждается положение о том, что Херсонес, безусловно, находился в сфере общеимперских процессов в области идеологии, которые неминуемо вели к смене религиозных представлений.

Первые несомненные следы проникновения христианства в Херсонес П.Д. Диатропов так же, как и его предшественники, относит, исходя из житийных данных, к началу IV в. [25, с. 129]. Значительное внимание он уделяет выяснению достоверности отдельных сведений Житий. Фигуры иерусалимских епископов и епископа Эферия он считает «легендарными». Однако, учитывая мнение М.И. Ростовцева и следы «сирийского влияния на культуру Херсонеса», допускает возможность появления в Херсонесе миссионеров с Ближнего Востока, а именно: из Антиохии, а не из Иерусалима, как о том говорят жития [25, с. 131-132]. Упоминание Иерусалима появилось в житии лишь в VII в.,

¹² Основные выводы В.Ф. Мещерякова были использованы в обобщающей статье М.М. Коренного [48, с. 172-175].

когда оно составлялось и когда «слава Иерусалима ... затмила былую славу Антиохии» [25, с. 132]. Имя же Эферия «появилось в результате перенесения в прошлое первого достоверного херсонесского епископа», т.е. участника II Вселенского собора [25, с. 133]. Наиболее реальной фигурой исследователь считает Капитона, которого, по его мнению, вполне мог послать в город Константин I [25, с. 133; 26, с. 11]. В отличие от В.Ф. Мещерякова, ставившего под сомнение возможность присылки с епископом отряда воинов, П.Д. Диатропов считает данный факт вполне реальным, если допустить, что целью было не насаждение христианства, а установление порядка и примирение враждующих религиозных группировок [25, с. 134]. Анализируя археологические материалы, автор так же, как А.Л. Якобсон и В.Ф. Мещеряков, приходит к выводу о том, что в IV – первой половине V вв. христиане в Херсонесе были весьма немногочисленны [25, с. 136]. Начало активного насаждения новой идеологии, связанное с укреплением власти Византии, он относит к концу V в. [25, с. 139-140]. Так же, как и его предшественники, исследователь связывает этот процесс с массовым строительством христианских храмов (конец V – начало VII вв.). Однако, в отличие от А.Л. Якобсона и В.Ф. Мещерякова, П.Д. Диатропов считает, что с этого времени христианство приобретает в Херсонесе главенствующее положение, хотя также рассматривает слова папы Мартина как свидетельство того, что «еще в VII в. было сильно язычество» [25, с. 140, 143]. Историю христианизации он делит на два периода, в зависимости от пути принятия новой веры. В IV-V вв., по его мнению, преобладал добровольный путь, а в конце V-VI вв. – насильственный. Значительное внимание автор уделяет также сопоставлению процесса христианизации населения Херсонеса и Боспора [26, с. 14-15]. По его мнению, насильственное насаждение христианства не было характерно для Боспора, так как он «не занимал в политических планах империи столь важное место, как Херсонес», который в дальнейшем «стал более значительным центром христианства» [26, с. 15]. В работах П.Д. Диатропова представлена также обширная сводка археологических христианских памятников [25, с. 136-142; 26, с. 16].

Пополнение сведений по истории христианского Херсонеса происходило, главным образом, благодаря систематическим раскопкам его городища и некрополя, проводимым начиная с 1930-х гг. Их результатам посвящено немало публикаций. В контексте нашей темы особо следует выделить статью В.А. Кутайсова «Четырехапсидный храм Херсонеса», в которой, помимо описания и интерпретации храма, представлен авторский взгляд на некоторые проблемы процесса христианизации [51, с. 155-169]. Открытие под полом данного храма известеобжигательной печи позволило исследователям говорить о связи данного памятника с культом епископа Капитона, совершившего, по описанию жития, чудо, войдя в печь и выйдя из нее неопаленным [51, с. 166].

Первым это предположение высказал К.Э. Гриневич. Однако его статья, подготовленная для Херсонесского сборника в 1957 г., так и не была опубликована [24]. В.А. Кутайсов обосновал и развил эту идею. Предложенная им датировка храма VII в. совпала со временем составления житий, установленным В.В. Латышевым. Оживленное церковное строительство в Херсонесе В.А. Кутайсов относит к близкому времени, а именно к концу VI – VII вв. и делает вывод о том, что оно «было сопряжено с канонизацией первых христианских епископов». Оба явления исследователь считает «разными сторонами одного процесса – христианизации Херсонеса» [51, с. 167]. Хотя датировка четырехapsedного храма, как, впрочем, и других херсонесских ранневизантийских базилик, остается предметом дискуссий, установленная взаимосвязь между формированием письменной традиции и созданием храмового ансамбля города как отражение единого процесса укоренения христианства не вызывает сомнений. Изложенная в статье интерпретация упомянутого храма, стала общепризнанной.

Существенный этап в развитии представлений о процессе христианизации местного населения составляют специальные статьи и разделы в коллективных монографиях В.М. Зубаря [37, с. 3-14; 38, с. 8-29; 39, с. 44-103; 77, с. 157-208; 92, с. 556-627; 41, с. 25-39]. Его основные концептуальные положения были изложены в статье «Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом» [38, с. 8-29]. Безусловный приоритет в освещении данной темы автор отводит археологическим свидетельствам, что нашло отражение и в самой структуре подачи материала. К письменным источникам, а именно житиям епископов херсонесских, он обращается после анализа археологических данных. По существу, отрицая историческую основу заключающихся в них сведений, В.М. Зубарь рассматривает жития лишь как продукт той эпохи, в которой они были написаны (VII в.) с целью «создания херсонесской церковью своей героической истории». Жития, по мнению исследователя, «были призваны создать местных святых, тесно связанных с конкретной историей города, и являлись удобным средством распространения христианской идеологии» [38, с. 20-21]. Из письменных источников бесспорным свидетельством, подтверждающим наличие в городе христианской общины, признается лишь подпись херсонесского епископа Эферия под актами II Вселенского собора 381 г. [38, с. 21-22].

При характеристике археологических данных основное внимание исследователь уделяет анализу материалов херсонесского некрополя, на основе которого делает вполне закономерный и важный вывод о наличии в истории Херсонеса переходного периода от язычества к христианству [38, с. 9-16]. Своеобразие данного периода выразилось «в устойчивом сохранении частью населения традиционных черт погребального обряда» и в общей «языческо-христианской» символике. Его начало В.М. Зубарь датирует второй половиной IV в., когда «в городе фиксируется небольшая в количественном

отношении христианская община», а конец – второй половиной VI – началом VII вв. Именно к этому периоду исследователь относит начало широкой христианизации, с которой связывает церковное строительство, канонизацию херсонесских мучеников, хорошо датированные христианские погребения и группу склепов с христианской росписью [38, с. 24]. Окончательное утверждение христианства в Херсонесе рассматривается исключительно как результат активной политики византийских императоров [38, с. 24]. Только с указанного времени, по его мнению, можно говорить о христианском Херсонесе, да и то лишь «в известном смысле». Причиной подобной условности в определении степени христианизации являлись, по-видимому, все те же письменные свидетельства «о пережитках язычества». Таким образом, в данной статье В.М. Зубаря получил свое дальнейшее развитие вывод о длительном и сложном процессе проникновения и утверждения христианской идеологии в Херсонесе.

В коллективной монографии «От язычества к христианству» В.М. Зубарю принадлежит отдельная глава, посвященная той же тематике¹³ [39, с. 44-103]. Сохранив основные концептуальные положения предыдущей статьи, автор значительно расширил хронологический диапазон и фактологическую базу своего исследования. Он обращается к вопросу о предпосылках распространения в местной среде нового учения и останавливается на характерных чертах религиозного мировоззрения херсонеситов накануне проникновения сюда христианства [39, с. 44-53; 77, с. 157-168]. Подчеркивая «определенную консервативность в области идеологии», В.М. Зубарь все же отмечает и новые явления в религиозной жизни и в составе населения города, которые были связаны с его включением в сферу римской политики и которые подготавливали почву для новой религии [39, с. 53]. Следует отметить, что данный вывод, к которому в свое время пришла и Э.И. Соломоник, существенно отличается от положения В.Ф. Мещерякова по этой проблеме и представляется более объективным отражением реалий позднеантичного периода.

Рассматриваемая работа В.М. Зубаря содержит в себе наиболее полное на то время собрание археологических источников по истории раннего христианства Херсонеса, а также их детальный анализ. Важно подчеркнуть, что хотя основные выводы автора относительно характера и темпов исследуемого процесса не изменились, все же наблюдаются некоторые коррективы в датировке наиболее важных групп источников, с которыми В.М. Зубарь связывает широкую христианизацию. Так, если ранее склепы с христианской росписью он относил к VI-VII вв. [37, с. 12], то в последних его трудах их дата определяется временем не ранее второй половины –

¹³ С незначительными вариациями материал данной главы опубликован еще в двух коллективных монографиях, посвященных истории Херсонеса [77, с. 157-208; 92, с. 556-627].

конца V-VI вв.¹⁴ [39, с. 88]. Немного отступила и нижняя граница храмового строительства, которая в свою очередь определяет конец переходного периода и начало процесса массовой христианизации. Теперь этот рубежный момент связывается исследователем с периодом не ранее правления императора Юстиниана I (527-565 гг.) (в предыдущей статье – со второй половины VI – начала VII в.) [92, с. 627; 41, с. 39; ср. 38, с. 24]. И если раньше, по мнению В.М. Зубаря, о христианском Херсонесе в это время можно было говорить лишь «в известном смысле», то теперь автор делает это вполне «уверенно» [39, с. 98; 92, с. 627]. Свидетельства поздних источников («вплоть до XIII в.») больше не дают оснований сомневаться в том, что «пережитки языческого толка» «не мешали херсонитам считать себя истинными христианами» [92, с. 627]. Отмеченные изменения авторских формулировок представляются весьма показательными и могут объясняться влиянием новых тенденций в отечественной историографии современного периода.

Как можно видеть из представленного обзора, труды А.Л. Якобсона, В.Ф. Мещерякова, П.Д. Диатропова, В.А. Кутайсова и В.М. Зубаря, в которых изложены их взгляды на раннюю историю христианства в Херсонесе, представляют собой поэтапное развитие единой концептуальной основы, зачатки которой были определены еще И. Мансветовым и А.Л. Бертье-Делагардом. Основной постулат, которого придерживаются все эти исследователи, заключается в признании замедленного, сложного пути проникновения и утверждения здесь новой религии, которая еще долгое время из-за сильного влияния язычества не могла занять господствующее положение. Таким образом, Херсонес, как особо ревностный хранитель старых культов, практически противопоставлялся окружающему христианскому миру, в том числе и Боспору¹⁵. Наиболее существенным отличием в авторских построениях является определение времени так называемой массовой, широкой христианизации, которую практически все связывают с масштабным культовым строительством. А.Л. Якобсон, В.Ф. Мещеряков и П.Д. Диатропов датировали этот процесс концом V-VI вв., В.А. Кутайсов, а также А.И. Романчук – концом VI-VII вв. [71; 72, с. 76-77]. В.М. Зубарь, как уже отмечалось, несколько удревнил эту дату, включив в нее эпоху Юстиниана I.

¹⁴ О дискуссии по поводу датировки христианских расписных склепов Херсонеса см. [35, с. 258-288; 40, с. 131-136].

¹⁵ В.М. Зубарь все же считает, что и на Боспоре большинство населения в конце IV – начале V вв. оставалось языческим, хотя и признает, что процесс христианизации там проходил более быстрыми темпами, чем в Херсонесе. Он также отмечает, что и в других областях империи язычество в этот период еще доминировало [38, с. 23-24]. Несмотря на это, очень важное констатирование, исследователь все же считает, что в Херсонесе темпы христианизации были еще более медленными, что и предопределило, на его взгляд, «некоторое «запаздывание» хронологических рамок бытования» декоративной системы херсонесских расписных склепов [40, с. 134-135].

Наиболее поздним временем, а именно VII-VIII вв., датировал большинство ранневизантийских храмов О.И. Домбровский¹⁶. Однако окончательное утверждение христианства в городе он, вслед за А.Л. Якобсоном и В.Ф. Мещеряковым, относил к концу V – середине VI вв. [28, с. 536-537]. Столь поздняя датировка храмового строительства, не соответствующая археологическому контексту, не получила признания в отечественной историографии.

Концепция сложного, замедленного утверждения христианства в Херсонесе до последнего времени оставалась наиболее распространенной и практически общепризнанной. Она получила свое отражение и в научно-популярной литературе. Примером популярной обработки данной концепции может служить соответствующий раздел (авторы – А.С. Глушак, Н.В. Наумова) коллективной брошюры «Крым христианский» [22, с. 39-60].

Совершенно иную историографическую традицию представляют работы С.А. Беляева. Его статьи советского периода посвящены, главным образом, христианским архитектурным памятникам и проблемам храмового строительства в Херсонесе [4, с. 114-126; 5, с. 74-84; 6, с. 142-152; 7, с. 26-55; 8, с. 458-463]. Во всех этих работах автор отстаивает раннюю дату христианского культового строительства, начало которого приурочивает событиям, описанным в житиях епископов херсонских. К IV в., когда, по С.А. Беляеву, христианство получило уже значительное распространение, он относит ряд ранневизантийских базилик (Уваровскую, Западную, Базилику на холме), при этом полностью игнорируя археологический материал, полученный при их раскопках. Необоснованность и произвольность датировок конкретных объектов, предложенных С.А. Беляевым, неоднократно отмечалась исследователями [38, с. 18-19; 31, с. 334-337; 74, с. 277]. Тем не менее, представляется вполне логичной синхронизация появления христианской общины и первых культовых сооружений, необходимых для повседневного отправления культа. Но в настоящее время неизвестны остатки ни одной христианской постройки, которую можно было бы отнести к столь раннему времени [детальнее: 34, с. 412-414].

Сравнительно целостная система взглядов А.С. Беляева на историю христианизации Херсонеса представлена в более поздних работах, в частности во вступительной статье к переизданию уже рассмотренной выше книги митрополита Макария (1994) и статье о христианской топографии Херсонеса (1999) [9, с. 37-58; 10, с. 3-40]. В них автор отстаивает основные положения книги митрополита Макария. Обращаясь к вопросу о посещении апостолом Андреем северного побережья Черного моря, А.С. Беляев вполне справедливо замечает, что в современной историографии «достоверность сказания не является предметом изучения» [9, с. 38-39]. Пытаясь все же доказать их

¹⁶ Противником ранних датировок (по А.Л. Якобсону) был и Н.И. Репников [69].

правдоподобность, он обращается к исследованию «исторической канвы» описанных в них событий. В качестве руководства в своем поиске автор избирает сформулированные еще С.П. Петровским (1897) и В.В. Болотовым (1910) основные критерии для оценки достоверности апостольских хождений. Это – наличие транспортных путей и еврейских общин, которые считаются наиболее подготовленной средой апостольской проповеди. Вкратце изложив общеизвестные факты, А.С. Беляев приходит к выводу, что названные «условия присутствуют во всех городах» [9, с. 40-51]. Основываясь на этом, он заключает: «...трудно даже предположить, что при развитости торговых путей в Крыму ... апостолы, будучи в Боспорском царстве ... не посетили и Херсонес» [9, с. 51]. Таким образом, собственно, доказывается не сам факт посещения апостолом тех или иных мест, а лишь вероятность такого путешествия, что, по мнению А.С. Беляева, уже достаточно для того, чтобы не сомневаться в его исторической реальности. Совершенно не вызывают сомнений у автора и известия поздних источников о размахе проповеднической деятельности епископа Климента. Устройство 75 храмов и ежедневное крещение нескольких сот язычников представляются для него вполне реальными [9, с. 54-55; 10, с. 5-6]. Начиная с IV в., по А.С. Беляеву, «Херсонес – крупный христианский город, центр автокефалии, о чем свидетельствуют ... великолепные храмы», причем их возведение он приписывает «самому народу херсонесскому», в противовес высказанному А.Л. Якобсоном мнению о государственном стимулировании храмового строительства [9, с. 57]. Если ранее А.С. Беляев к IV в. относил лишь некоторые базилики, то теперь он «глубоко убежден в том, что почти все базилики ... и некоторые храмы других архитектурных форм (имеется в виду четырехапсидный храм – И.З.) были возведены на протяжении IV в., а некоторые из них – в самом начале этого века». При столь категоричном заявлении автор отказывается «вдаваться в детали вопроса о времени постройки того или иного храма» [10, с. 17-18].

Таким образом, в авторских построениях полностью узнается церковно-апологетическая концепция ранней истории христианства в Херсонесе, изложенная в современных условиях. Однако следует отметить, что для своего времени труд митрополита Макария, в котором она сформулирована, имел прогрессивное значение и являлся чрезвычайно важной вехой на пути развития представлений о христианской истории. Многие положения данной концепции были предопределены состоянием источниковой базы. Повторение же их в нынешних условиях обусловлено абсолютным игнорированием результатов исследований по данной проблематике, достигнутых на протяжении более 150 лет. В итоге, однажды сформулированная концепция превращена в незыблемую догму, не имеющую ничего общего с научным подходом к историческому процессу.

С.А. Беляев совершенно прав, когда говорит, что выяснение достоверности апостольской проповеди не входит в круг задач, связанных с исследованием повествующих о ней источников. Данная проблема уже давно перешла из области знания в область веры, поскольку на сегодняшний день совершенно отсутствуют научные свидетельства, способные ее положительно разрешить. В реальность описанных в источниках событий можно только верить, однако преподносить их как научно доказанный факт лженаучно.

Современные исследования агиографических источников об апостольских хождениях и мучениях св. Климента посвящены, главным образом, изучению исторических условий и путей формирования данных литературных традиций, их источниковой базы, а также выяснению тех идейно-политических задач, в угоду которым, собственно, и создавались эти легенды. Примерами подобных работ, демонстрирующих современный уровень научных знаний в данной области, являются статьи И.С. Чичурова, А.Ю. Виноградова, Е.В. Ухановой [95; 20; 89].

История раннего христианства Херсонеса, как, впрочем, и других центров Крыма, стала чрезвычайно популярной в современной историографии. С каждым годом неудержимо растет количество самых разных по уровню, качеству и содержанию работ, в той или иной степени затрагивающих данную проблематику. Охарактеризовать их все в рамках одной статьи невозможно, да и нет смысла. Следует остановиться лишь на тех из них, которые отражают в себе новые тенденции и, безусловно, способствуют дальнейшему развитию современных знаний по рассматриваемому вопросу.

К числу таких работ, безусловно, принадлежит статья французского византиста К. Цукермана «Епископы и гарнизон Херсона в IV в.»¹⁷ [94]. Ее первая часть посвящена житиям епископов херсонских, историческая основа которых не вызывает у автора сомнений. Сопоставив все известные редакции житий, в том числе недавно изданную Ф. Алкеном по рукописи XIV в., К. Цукерман приходит к выводу, что описанные в них события в результате их литературной обработки подверглись «искусственному сжатию» с целью связать крещение города с именем Константина Великого. И, чтобы многое встало на свое место, их достаточно «декомпрессировать». В результате исследователь предлагает новую хронологию житийных событий, которые, по его мнению, происходили на протяжении более длительного периода - вплоть до конца IV в. [94, с. 546-549]. Вслед за М. Лекьеном, К. Цукерман отождествляет житийного епископа Эферия с участником II Вселенского собора 381 г., который мог занять кафедру уже при императоре Валенте (364-378). Данное отождествление слу-

¹⁷ Данная статья является переработанной русскоязычной версией третьей части статьи «The Early Byzantine Strongholds in Eastern Pontus», вышедшей во французском издании «Travaux et Memoires» в 1991 г. (№ 11).

жит отправной точкой всей новой хронологии. Деятельность предшественников Эферия (Евгения, Агафадора и Елпидия) приходится на вторую – третью четверти IV в. и, скорее всего, каждый из них находился в Херсонесе в свое время, поочередно. Назначение Капитона, последователя Эферия, относится к середине 380-х – началу 390-х гг. Имеющиеся эпитафические данные, по мнению К. Цукермана, подтверждают факт прибытия военного гарнизона в город при Валенте, т.е. в епископство Эферия. Однако, как считает исследователь, целью его было «не насильственное внедрение христианства, а обеспечение безопасности города во время затяжной Валентом войны с готами» [94, с. 558]. Передатировка агиографических событий позволяет разрешить ряд противоречий различных редакций как исторического, так и канонического порядка. Кроме того, подобная расстановка житийных персонажей как нельзя лучше соответствует той исторической ситуации в Херсонесе, которая вырисовывается благодаря археологическим и эпитафическим данным. Таким образом, впервые преодолевается существующий дисбаланс между письменными и материальными свидетельствами начальной истории Херсонской епархии. Безусловно, новая хронология вызывает и, возможно, еще будет вызывать сомнения и критику скептически настроенных исследователей¹⁸. Тем не менее, в пользу ее адекватности и обоснованности свидетельствует целый ряд работ, авторы которых ее разделяют и используют в своих исторических построениях [1, с. 52-53; 72, с. 76; 32, с. 21, 157, 160; 34, с. 405-407; 36, с. 133; 98, с. 50¹⁹; 75, с. 33; 78, с. 855].

Этнической истории Крыма в ранневизантийский период посвящена монография А.И. Айбабина, в которой также затронуты проблемы, связанные с христианизацией местного населения, в том числе Херсонеса [1, с. 51-53, 83-84]. Наиболее ранние свидетельства присутствия христиан в городе исследователь датирует концом III – первой половиной IV вв. А.И. Айбабин не отрицает, в частности, принадлежность им и некоторых горшочков с надписями-dipinti, разделяя при этом мнение Э.И. Соломоник [1, с. 52]. Образование херсонской епархии он относит к последней четверти IV в. и полностью поддерживает хронологию

¹⁸ Данная работа К. Цукермана вызвала совершенно не обоснованную критику в статье И.С. Пиоро, пропитанную духом псевдонаучного патриотизма [65, с. 123-126]. Главное обвинение, предъявленное «зарубежному автору» по поводу первой части его статьи, заключается в его «необізнаності» статей украинских исследователей по теме христианской истории Херсонеса. Однако в рассматриваемом К. Цукерманом вопросе они вряд ли бы помогли. Подобные претензии никак не похожи на «академичную и конструктивную критику», к которой автор призывает К. Цукермана. Следует, тем не менее, отметить, что, несмотря на высказанные замечания, И.С. Пиоро все же признает вывод французского исследователя «аргументированным» [65, с. 124]. П.Д. Диатропов не согласился с новой трактовкой житийных событий, оставшись на своих старых позициях [27, с. 98-99].

¹⁹ Критику основных положений данной статьи см. [34, с. 417; 78, с. 95-98].

житийных событий, предложенную К. Цукерманом. Обратившись к истории епархии в V в., А.И. Айбабин в качестве подтверждения влияния местных епископов, по сути, впервые привлекает ценное документальное свидетельство о деятельности херсонесского епископа Асклепиада, который своим ходатайством перед императорами освободил от наказания провинившихся херсонцев. Этот факт зафиксирован в кодексе Феодосия и датируется сентябрем 419 г. [1, с. 83]. Имя Асклепия включено в список херсонских епископов только в работе А.Л. Бертье-Делагарда [14, с. 129]. Однако в последующей отечественной историографии, насколько нам известно, он не упоминался. Тем не менее, важность данного незаслуженно забытого источника вполне очевидна.

К числу общих работ, в которых рассматриваются отдельные аспекты христианской истории, принадлежит и монография А.И. Романчук [72]. Отдельный очерк в ней посвящен культовым сооружениям Херсона, точнее, их датировкам²⁰. Основная цель автора, вероятно, состояла в том, чтобы опровергнуть тезис А.Л. Якобсона о сравнительно кратковременном ранневизантийском храмовом строительстве «с конца V до начала VII в.» и доказать его большую продолжительность. Однако приведенные исследовательницей даты отдельных объектов, ставшие уже традиционными, позволяют лишь отодвинуть хронологические рамки этого строительства, но никоим образом не растянуть их. Так, из 14 упомянутых храмов 11 отнесены А.И. Романчук, главным образом, ко второй половине—концу VI в. — началу—середине VII в. Лишь три крестообразных храма она относит к более позднему времени [72, с. 65-76]. Таким образом, период наиболее интенсивного культового строительства даже несколько сократился, по сравнению с датировкой, предложенной А.Л. Якобсоном. Однако вполне можно согласиться с автором в том, что дальнейшее функционирование ранневизантийских базилик, как и строительство в последующем новых храмов, не позволяют принять вывод о запустении города во второй половине VIII — начале IX вв. [72, с. 82-84, 203].

Для рассматриваемой нами проблемы важным представляется новая трактовка той характеристики херсонитов («херсаков»), которую оставил монах Епифаний, назвав их «тугими на истинную веру». По мнению А.И. Романчук, данное высказывание обусловлено «не тем, что среди жителей города присутствовало значительное число язычников, а тем, что горожане склонялись в начале IX в. к поддержке иконоборчества», изменив иконнопочитательскому курсу, которого придерживался монах-путешественник [72, с. 77-78]. Таким образом, преодолевается искаженное представление о данном свидетельстве, которое активно использовалось сторонниками концепции замедленного утверждения христианства в Херсоне даже в столь позднее время.

²⁰ Проблема хронологии храмов Херсонеса затрагивается и в некоторых других работах А.И. Романчук [70, с. 159-173; 71, с. 52-65].

Напомним, что в качестве еще одного свидетельства трудного изживания язычества в местной среде привлекались письма папы Мартина I, сосланного в Херсон в 655 г. Впервые в русском переводе с пространным комментарием они опубликованы О.Р. Бородиным, также посвятившем папе Мартину и его эпохе отдельное исследование [15, с. 173-190; 16]. Жалобы папы на «языческие нравы» херсонитов исследователь рассматривает как носящие «чисто эмоциональный характер» [15, с. 187]. В морально-этическом смысле воспринимает высказывания херсонского ссыльного и С.А. Беляев [5, с. 80]. Таким образом, слова папы Мартина вряд ли могут расцениваться в качестве обвинения местных жителей в язычестве, что для многих становится уже вполне очевидным [34, с. 421; 75, с. 35; 78, с. 309].

В исследовании раннехристианской истории Херсонеса особую популярность в наши дни приобрела архитектурная тематика. За последнее десятилетие вышло очень большое количество работ, посвященных как отдельным памятникам, так и включающих информацию обо всех известных ранневизантийских культовых сооружениях²¹. Их анализ не входит в задачу настоящей статьи. Стоит лишь отметить, что диапазон проблем в исследовании храмового зодчества существенно расширился. Помимо проблемы датировки, которая во все времена являлась центральной, все больше внимания привлекают вопросы, связанные с топографией храмовых объектов, с их литургическим устройством, происхождением архитектурных форм. Особо следует подчеркнуть всевозрастающее стремление многих исследователей связать конкретные материальные остатки (будь то храмов или погребальных сооружений) с агнографическими персонажами или событиями, известными нам из различных письменных источников. Все это, безусловно, оживляет историю, делает ее более привлекательной и интересной. Однако далеко не всегда подобные попытки выглядят убедительными и обоснованными [например: 84]. Большинство выдвинутых предположений еще нуждаются в неоднократной всесторонней проверке.

Значительный пласт информации по христианской истории Херсонеса содержится в двухтомной монографии С.Б. Сорочана о византийском Херсоне в VI – первой половине X вв. [78]. Несмотря на то, что в силу избранного хронологического периода многие проблемы ранней истории херсонской епархии не затрагиваются в этом труде, он представляет значительный интерес для нашей темы по многим вопросам. Один из них касается датировки жития епископов херсонских. Следуя устоявшемуся в отечественной историографии мнению о связи данного агнографического источника со строительством четырехапсидного храма, С.Б. Сорочан вполне убедительно доказывает их полную

²¹ Наиболее масштабным трудом за последнее время явилось совместное украинско-польское издание в 3-х томах «Архитектура ранневизантийских сакральных построек Херсонеса Таврического» [68; 29] (т. 2 в печати).

синхронность, считая рубежом обоих событий 570-е гг.²² [78, с. 94-98]. К этому же времени исследователь склонен относить еще два херсонесских храма, которые также связывает с житийными событиями [78, с. 98-99]. Отдельная глава монографии посвящена топографии и архитектуре раннесредневекового города, центральное место в которой уделено ранневизантийским храмам [78, с. 680-937]. Автор широко использует и обобщает результаты современных исследований по данной теме, а также открывает много новых аспектов в их изучении, рассмотрение которых выходит за рамки нашей темы. Масовое строительство храмов С.Б. Сорочан склонен относить к периоду после 560 г. Однако попытка связать этот «архитектурный бум» с «необходимостью ликвидировать последствия мощного землетрясения», которое произошло в 550-е гг. представляется неоправданно смелой и поспешной [78, с. 753-754]. Предположение о том, что землетрясения середины VI в., поразившие Балканы и северо-западную часть Малой Азии, «могли достичь и Таврики», не имеет в настоящее время бесспорных археологических доказательств. Упомянутые автором свидетельства разрушений боспорских городов, скорее всего, являются результатами все же военных, а не природных катаклизмов. Финансирование церковного строительства, как вполне обоснованно замечает С.Б. Сорочан, в значительной степени шло за счет государственной казны, что уже само по себе является отражением христианизаторской политики империи. Подобная «адресная помощь» была обычной практикой и не требовала дополнительных стимулов (как-то необходимость ликвидации разрушений). Именно массовое храмовое строительство исследователь считает свидетельством окончательного завершения процесса христианизации [78, с. 713; ср. 34, с. 420-421].

В рамках данного историографического обзора, считаю уместным упомянуть и о своей публикации, в которой предпринята попытка обобщить и проанализировать имеющиеся на то время данные по истории проникновения и утверждения христианства в Херсонесе, а также представить собственный взгляд на этот чрезвычайно важный исторический процесс [34, с. 402-426].

Тема истории христианизации Херсонеса, конечно же, не исчерпана. В ней остается еще много вопросов, незатронутых аспектов. И каждое новое поколение будет открывать в ней новые стороны, рассматривать ее под новым углом зрения. Основой для последующих изысканий будет служить исследовательская база, накопленная всей предшествующей историографией, породившей различные мнения и взгляды на рассматриваемую проблему. С известной

²² Следует все же отметить, что уважаемый автор не совсем верно трактует высказанное мной замечание по поводу датировки житий [78, с. 97, сн. 57]. У меня нет сомнений в том, что именно этноним «турки» является «хронологическим репером» при датировке житий. Речь шла лишь о расширении хронологических рамок его использования, при этом *terminus post quem* устанавливается именно походом Турксанфа, т.е. 576 годом [33, с. 84].

долей условности можно констатировать, что в процессе ее исследования сложилось два основных направления. Одно из них – церковно-апологетическое, отстаивающее основные положения концепции раннего проникновения и утверждения христианства в городе, в основу которого положены агиографические данные. Другое – научное направление, в ходе развития которого сформулированы отличающиеся сравнительной вариативностью концептуальные положения, базирующиеся на критическом анализе различных групп источников. Оба направления зародились в XIX в. и продолжают сосуществовать до настоящего времени. Их влияние на формирование общественного мнения на разных этапах истории существенно менялось, что определялось как идеологической ситуацией в стране, так и неуклонным ростом авторитета научного метода исследования. Идеи церковно-апологетической концепции, доминировавшие в дореволюционной литературе, практически были отторгнуты советской научной историографией. Основопологающей стала теория сравнительно позднего появления и замедленного, сложного процесса укоренения христианской религии среди местного населения, положения которой нашли свое развитие в трудах многих исследователей. Современная историография отличается сравнительно широким спектром взглядов на рассматриваемый процесс. Вновь получают распространение постулаты церковной концепции, которые без должного анализа возводятся в ранг исторических истин. Значительное развитие претерпевают научные взгляды, многие из них пересматриваются, вырабатывается более объективный, взвешенный подход к проблеме христианизации населения Херсонеса.

Безусловно, данная статья не может претендовать на исчерпывающее раскрытие избранной тематики, что невозможно в силу различных как объективных, так и субъективных причин. Особенно сложно это сделать в отношении современного периода, когда каждый год появляются новые работы, рождаются новые идеи. Оценить их по достоинству – это дело будущего. Однако надеюсь, что из того, что мне удалось представить, вполне очевидно, что мы переживаем сейчас особый этап в развитии нашей темы, который характеризуется бурным процессом ломки старых стереотипов. Значительно расширяется диапазон рассматриваемых проблем, преодолеваются многие идеологические штампы и схемы, формируются новые представления об изучаемом процессе, меняется подход к определенным группам источников, вводятся в научный оборот новые свидетельства. Все это открывает простор для новых предположений и гипотез, которым еще предстоит пройти испытание временем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
2. *Аркас З.* Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса. 2-е изд. Николаев, 1879.

3. *Белов Г.Д.* Херсонес Таврический // КСИИМК. 1946. XIII.
4. *Беляев С.А.* Вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса (по материалам раскопок 1973-1977 гг.) // ВВ. 1979. Т. 40.
5. *Беляев С.А.* Из истории социальной жизни Херсонеса второй половины IV-VI вв. // Палестинский сборник. 1987. Вып. 29(92).
6. *Беляев С.А.* Новые памятники ранневизантийской мраморной пластики из Херсонеса (к вопросу об интерьере херсонесских базилик) // ВВ. 1987. Т. 48.
7. *Беляев С.А.* Пещерный храм на главной улице Херсонеса (опыт интерпретации и реконструкции) // Византия и Русь. М., 1989.
8. *Беляев С.А.* Новые данные о западной части Херсонеса // Памятники культуры. Новые открытия. 1989 год. М., 1990.
9. *Беляев С.А.* История христианства на Руси до равноапостольного князя Владимира и современная историческая наука // Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 1. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви. М., 1994.
10. *Беляев С.А.* Христианская топография Херсонеса. Постановка вопроса, история изучения и современное положение // Церковные древности. Рождественские чтения. М., 1999.
11. *Бертье-Делагард А.Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма // ЗООИД. 1886. Т. XIV.
12. *Бертье-Делагард А.Л.* Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12.
13. *Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе // ИАК. 1907. Вып. 21.
14. *Бертье-Делагард А.Л.* Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. 1920. Т. 57.
15. *Бородин О.Р.* Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье в средние века. М., 1991.
16. *Бородин О.Р.* Церковно-политическая борьба в Византии в середине VII в. и «дело» римского папы Мартина I // ВВ. 1991. Т. 52. 1992. Т. 53.
17. *Броневский М.* Описание Крыма // ЗООИД. 1867. Т. VI.
18. *Васильев А.А.* Готы в Крыму // ИРАИМК. 1921. Т. I.
19. *Васильевский В.Г.* Хожделение апостола Андрея в стране мирмидонян // Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1.
20. *Виноградов А.Ю.* Апостол Андрей и Черное море: проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996-1997 гг. Северное Причерноморье в античности. Вопросы источниковедения. М., 1999.
21. *Гермоген, епископ Псковский и Порховский, бывший Таврический и Симферопольский.* Таврическая епархия. Псков, 1887.
22. *Глушак А.С., Антонова И.А., Филиппенко В.Ф., Наумова Н.В., Червяков С.М.* Крым христианский. Севастополь, 1996.
23. *Гриневич К.Э.* Сто лет херсонесских раскопок (1827-1927) (исторический очерк с экскурсионным планом. Севастополь, 1927.
24. *Гриневич К.Э.* Четырехапсидное здание в Херсонесе // НА НЗХТ. Д. 1035 (Статьи для Херсонесского сборника, вып. V, 1957 г.).
25. *Диатропов П.Д.* Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV-VI вв. // Античная гражданская община. М., 1986.
26. *Диатропов П.Д.* Распространение христианства в Северном Причерноморье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. заоч. пед. ин-т. М., 1988.
27. *Диатропов П.Д.* Некоторые дискуссионные моменты начального этапа христианизации Северного Причерноморья // Сурож, Сугдея, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. (16-22 сентября 2002 г.). Киев; Судак, 2002.

28. Домбровский О.И. Средневековый Крым X-XV вв. // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3.
29. Домбровский О. Византийские мозаики Херсонеса Таврического // Архитектура ранневизантийских сакральных построек Херсонеса Таврического. Roznau, 2004. Т. III.
30. Дорогой тысячелетий. Экскурсии по средневековому Крыму. Симферополь, 1966.
31. Завадская И.А. Раннесредневековые храмы западной части Херсонеса // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
32. Завадская И.А. Христианство в ранневизантийском Херсонесе (по культовым памятникам). Дисс. ... канд. ист. наук. Симферополь, 2000.
33. Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
34. Завадская И.А. Христианизация ранневизантийского Херсонеса (IV-VI вв.) // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
35. Завадская И.А. Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов: проблемы хронологии и генезиса // МАИЭТ. 2005. Вып. XI.
36. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю. О крещении жителей Херсонеса Таврического в IV в. // Nomos. Kwartalnik religioznawczy. Krakow, 1999/2000.
37. Зубарь В.М. По поводу датировки христианской росписи склепов из некрополя Херсонеса // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1988.
38. Зубарь В.М. Проникновение и утверждение христианства в Херсонесе Таврическом // Византийская Таврика. Киев, 1991.
39. Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Киев, 2000.
40. Зубарь В.М. По поводу методики датировки склепов с раннехристианской росписью некрополя Херсонеса // РА. 2006. № 4.
41. Зубарь В.М. Час та обставини будівництва комплексу Західної базилики Херсонеса-Херсону // Археологія. 2006. № 1.
42. Иванов Е.Э. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк // ИТУАК. 1912. № 46.
43. Исторический очерк христианства в Крыму // Таврические епархиальные ведомости. 1898. № 22-24.
44. История царства Херсонеса Таврийского, сочиненная Станиславом Сестренцевичем Богушем. СПб., 1806. Т. 1.
45. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. Т. I-IV. (Репринтное воспроизведение 5-го изд-я, СПб., 1842). М., 1988.
46. Келпен П.И. Крымский сборник. О древностях Южного берега и гор таврических. СПб., 1837.
47. Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. СПб., 1875. Ч. XVI.
48. Корінний М.М. До питання про час появи християнства в пізньоантичних містах Північного Причорномор'я // Географічний фактор в історичному процесі. Київ, 1990.
49. Коршёнко А.Н., Алексеев Н.А. К вопросу о возобновлении работы херсонесского монетного двора в V в. н.э. // Международный нумизматический альманах. Вологда, 1999. Вып. 6.
50. Кулаковский Ю.А. Прошлое Тавриды. К., 2002.
51. Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1.
52. Латышев В.В. Жития св. епископов Херсонских // ЗАН. СПб., 1906. № 3.
53. Латышев В.В. Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских Василея, Капитона и иных с ними // ИАК. 1907. Вып. 23.
54. Макарий (М.П. Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. Кн. 1: История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю русской церкви. М., 1994.
55. Мансветов И. Историческое описание древнего Херсонеса и открытых в нем памятников. М., 1872.

56. *Маркевич А.И.* Островок в Казачьей бухте, как предполагаемое место кончины св. Климента // ИТУАК. 1909. Т. 43.
57. *Марков Е.* Очерки Крыма. Киев, 2006.
58. *Мещеряков В.Ф.* Проникнення християнства в Херсонес Таврійський // Вісник Харківського університету. 1975. № 118. Історія. Вип. 9.
59. *Мещеряков В.Ф.* О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л., 1978.
60. *Мещеряков В.Ф.* Религия и культы Херсонеса Таврического в I-IV вв.н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1980.
61. *Мурзакевич Н.* Поездка в Крым в 1836 г. // ЖМНП. 1837. III.
62. [*Паллас П.С.*] Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // ЗООИД. 1881. Т. XII.
63. *Петровский С.В.* Сказания об апостольской проповеди по северо-восточному Черноморскому побережью (Очерк из истории древнехристианской литературы) // ЗООИД. 1897. Т. XX.
64. *Петровский С.В.* Сказания об апостольской проповеди по северо-восточному Черноморскому побережью (Очерк из истории древнехристианской литературы) // ЗООИД. 1898. Т. XXI.
65. *Піоро І.С.* Про один з поглядів на джерела та історію пізньоантичного Херсонеса // Археологія. 1997. № 2.
66. *Помяловский И.* Феодосий. О местоположении Святой Земли // Палестинский сборник. СПб., 1891. Т. X. Вып. 1.
67. *Пятышева Н.В.* К вопросу об этническом составе населения Херсонеса в I-VI веках н.э. // Античное общество. М., 1967.
68. Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического // Архитектура ранневизантийских сакральных построек Херсонеса Таврического. Розпап, 2004. Т. I.
69. *Репников Н.И.* О датах базилик Крыма // НА БГИКЗ. Д. 37.
70. *Романчук А.И.* Херсон XII-XIV вв.: историческая топография. Красноярск, 1986.
71. *Романчук А.И., Белова О.Р.* К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ. Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987.
72. *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
73. *Ростовцев М.И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914. Т. I: Описание и исследование памятников.
74. *Сазанов А.В.* Базилика 1987 г. и некоторые проблемы интерпретации памятников христианского Херсонеса // Причерноморье в средние века. 1999. № 4. СПб., 2000.
75. *Седикова Л.В., Яшаева Т.Ю.* Очерк истории Херсонеса конца IV – X вв. // Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. Розпап, 2004.
76. *Соломоник Э.И.* Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени // ВДИ. 1973. № 1.
77. *Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В.* Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
78. *Сорочан С.Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 1-2.
79. *Спиридонов Д.С.* К вопросу о мучении св. Климента, папы римского, в Крыму // ИТУАК. 1909. № 43.
80. *Спиридонов Д.С.* Д-р И. Франко. Святой Климент у Корсуни. 1902-1905. Львов. (Критико-библиографическая заметка) // ИТУАК. 1914. № 51.
81. *Струков Д.М.* О древнехристианских памятниках в Крыму. Опыт археологических изысканий. М., 1872.
82. *Струков Д.М.* Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876.
83. *Студитский Я.В., Бутырский М.Н.* Монеты Херсона с именами Юстина I и Юстиниана I // ВВ. 2000. Т. 59.

84. *Сумароков П.* Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800.
85. *Суров Е.Г.* Херсонес Таврический. Свердловск, 1961.
86. *Тиханова М.А.* Рец. на: *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // ВВ. 1961. XIX.
87. *Толстой И.И., Кондаков Н.П.* Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1891. Вып. IV: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева.
88. *Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002.
89. *Уханова Е.В.* Обретение мощей св. Климента, папы римского, в контексте внешней и внутренней политики Византии середины IX в. // ВВ. 2000. Т. 59.
90. *Франко І.* Святий Климент у Корсуні. Причинки до історії староруської легенди // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1902. Т. 46, 48. 1903. Т. 56. 1904. Т. 59-60. 1905. Т. 66, 68.
91. *Хартахай Ф.* Христианство в Крыму // Памятная книга Таврической губернии. Симферополь, 1867. Вып. 1.
92. Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.
93. Херсонские святители. Страдание священномучеников Херсонских, епископов: Василевса, Капитона и других // ЗООИД. 1868. Т.VII.
94. *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. 1994. Вып. IV.
95. *Чичуров И.С.* «Хождение апостола Андрея» в византийской и древнерусской церковно-идеологической традиции // Церковь, общество и государство в феодальной России. М., 1990.
96. *Шестаков С.П.* Очерки по истории Херсонеса в VI-X вв. по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. М., 1908.
97. *Шестаков С.П.* О начале христианства в Херсоне // Serta Borysthenica. Сборник в честь Ю.А. Кулаковского. Киев, 1911.
98. *Юрочкин В.Ю., Джанов А.В.* Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология южной Руси. Сб-к мат-лов Международной конференции «Церковная археология: проблемы, поиски, открытия» (Севастополь, 2001 г.). Симферополь, 2002.
99. *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63.
100. *Якобсон А.Л.* Средневековый Крым. М.; Л., 1964.
101. *Якобсон А.Л.* Из истории средневековой архитектуры в Крыму // СА. 1940. VI.

Zavadskaya I. A.

**Conceptions of Christianization History
of Chersonesos Population in Domestic Historiography**

Summary

The article is to the history of the beginning and spreading of Christianity in Chersonesos studied by domestic researchers since the 19th century till our days. Principal attention is given to those works that present the general view of the initial stage of Christian history in Chersonesos (Cherson), one of the largest centers of ancient and medieval Crimea. The process of transformation of opinions is traced in the course of the whole history; main directions and tendencies in certain periods are named.